

IN MEMORIAM

*В.М. Алпатов**

Памяти Сергея Евгеньевича Яхонтова

АННОТАЦИЯ: Сергей Евгеньевич Яхонтов (1926–2018) был выдающимся русским лингвистом, в течение шестидесяти лет он преподавал в Ленинградском / Петербургском университете. Он внёс значительный вклад в китаистику и в теорию языкознания. Хотя он опубликовал всего две книги, его многочисленные статьи всегда были очень интересны. В области китаистики он писал о современном языке, древнем языке, истории языка, диалектологии, языковых контактах и др. Его работы по теории лингвистики — очень хороший образец структурного подхода. Яхонтов показал, что различные определения слова выделяют разные единицы языка и невозможно обнаружить «слово вообще» чисто лингвистическими методами. Он уточнил понятия морфемы, частей речи, членов предложения, флективных, агглютинативных и аморфных языков и др.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Яхонтов, Петербургский университет, китайский язык, теория языка, типология, структурализм, слово, морфема, части речи, члены предложения, флективные языки, агглютинативные языки, аморфные языки.

Жизнь выдающегося лингвиста — китаиста и теоретика Сергея Евгеньевича Яхонтова (1926–2018) не была богата внешними событиями. Окончив в 1950 г. Восточный факультет ЛГУ, он затем всю свою долгую жизнь преподавал на китайской кафедре этого факультета, имея скромное звание доцента. На первый взгляд его карьера не выглядит блестящей. Он (исключительно по внутренним причинам)

* Алпатов Владимир Михайлович, д.филол.н., профессор, член-корреспондент РАН, директор Института языкознания РАН, Москва, Россия; E-mail: v-alpatov@ivran.ru

так и не защитил докторскую диссертацию, из-за чего не стал и профессором; за шесть десятилетий научной деятельности у него было более ста пятидесяти публикаций (список см. [Проблемы 2016, с. 12–24]), но из них лишь две монографии, последняя из которых появилась ещё в 1965 году.

Однако Сергей Евгеньевич сумел занять в отечественной лингвистике очень заметное место. При малом числе книг он в полной мере реализовался в жанре проблемной статьи. Нынешние требования писать статьи, а не книги, предъявляемые ФАНО к учёным, как раз в данном редком случае были оправданы; другое дело, что большинство гуманитариев всё-таки работают не так. Я знаю лишь ещё один аналогичный пример: это Р. Якобсон.

Место Сергея Евгеньевича в отечественном языкознании, причём одновременно во многих его областях, было весьма заметным. Общее языкознание, типология, сравнительно-историческое языкознание, современный, средневековый и древний китайский язык... Широта тематики, достаточно редкая. И везде он смог оставить след. Хорошее представление о вкладе Яхонтова в науку даёт сборник [Проблемы 2016], изданный ещё при его жизни к 90-летию коллегами и учениками; он включает значительное число его публикаций разных лет, очерки его жизни и деятельности и статьи российских и зарубежных учёных. Далее в ссылках на это издание даются только номера страниц в круглых скобках.

В годы, когда Сергей Евгеньевич работал наиболее активно, главным достоинством работы лингвиста для многих считалась научная строгость, чёткость и последовательность мысли. Не у всех это получалось, хотя в «передовых» учебных центрах вроде отделения структурной и прикладной лингвистики (ОСИПЛ) МГУ к этому специально приучали. Но и тогда Яхонтов выделялся в этом отношении. Не знаю, играло ли в этом роль его недолгое обучение в Казанском авиационном институте, но, несомненно, много ему дали его учитель А.А. Драгунов и преподававший на факультете А.А. Холодович, работы которых также отличались этими качествами. И у всех из них в то же время не было стремления уйти в дебри математики, строить модели, лингвистическая содержательность которых терялась под грузом сложного аппарата. Яхонтов умел, когда нужно, использовать математические, прежде всего, статистические методы, но оставался в рамках общедоступного научного языка. Здесь он во многом был эталоном среди наших лингвистов.

Вот такой эпизод, свидетелем которого я был в 70-е гг. на конференции в Институте востоковедения в Москве. С докладом выступал молодой перспективный лингвист (выпускник как раз ОСИПЛ), речь

шла о типологии. Сергей Евгеньевич после доклада попросил его на каждый задаваемый им вопрос отвечать «Да» или «Нет». Каждый его вопрос с железной логикой вытекал из ответа его собеседника на предыдущий; наконец, на пятый или шестой вопрос Яхонтова весь красный докладчик был вынужден сказать: «Да», что означало признание опровергнутой им точки зрения.

В каждой статье Яхонтова присутствовала чёткая схема: постановка задачи, доказательство с обязательным привлечением конкретного материала различных языков, затем строго вытекающие из всего этого выводы. Образцы такой схемы можно видеть во многих статьях разного времени, включённых в вышеупомянутый сборник. Сейчас отечественная лингвистика значительно изменилась: расширение тематики во многом достигнуто за счёт снижения уровня строгости и увеличения субъективизма.

В научной деятельности Сергея Евгеньевича во все периоды присутствовали две стороны: китаистика и теория языка. По образованию, месту работы и наибольшему объёму публикаций (включая обе книги) он был специалистом по китайскому языку, однако никогда он не ограничивался описанием «своего» языка в чистом виде. Любая его публикация, так или иначе, имела выход в общее языкознание. И в той или иной степени затрагивались все основные области лингвистической китаистики: современный язык, история языка на протяжении трёх тысячелетий, диалектология, генетические связи, история национальной лингвистической традиции.

В изучении современного языка Яхонтов получил известность, начиная с кандидатской диссертации «Категория глагола в китайском языке», защищённой в 1954 г., на её основе в 1957 г. вышла одноимённая книга [Яхонтов 1957], переведённая на китайский язык. «Это было первое в истории китайского языкознания монографическое описание одной из частей речи, которая к тому же обладает в китайском языке „наибольшим разнообразием грамматических категорий и форм“» [Завьялова 2016, с. 9]. Уже здесь он «во многом опередил своё время, показав, как можно описывать грамматику изолирующего языка, не поступаясь базисными положениями, выработанными в общем языкознании» [Завьялова, Касевич 2016, с. 5]. Впоследствии он активно участвовал в коллективных работах основанной А.А. Холодовичем серии исследований разнообразных синтаксических конструкций в разных языках мира. Помимо разработки теоретических подходов для этого (см. ниже), он писал там разделы по современному и /или древнему китайскому языку.

Также много Сергей Евгеньевич занимался изучением китайского языка разных эпох и в историческом, и в синхронном плане.

Второй его книгой был очерк древнекитайского языка в известной серии «Языки народов Азии и Африки» [Яхонтов 1965]. При ограниченном объёме, обусловленном рамками серии, он дал всестороннее системное описание этого языка. Очень интересна его статья «Письменный и разговорный китайский язык в VII–XIII вв.» (1969). В ней дана классификация жанров в языке того времени и предложены критерии для разграничения чисто книжных жанров и жанров, отражающих разговорные особенности: они прежде всего различаются в употреблении «пустых слов». Отмечу очень редкое для Яхонтова использование традиционной нестрогой терминологии: за противопоставлением «письменного» и «разговорного» языка скрываются два различия: «письменное — устное» и «разговорное — книжное». Особенно существенно их разграничение как раз для языков с иероглифической письменностью, о чём я уже писал [Алпатов 2011/2017].

Наибольшее внимание в публикациях Яхонтов уделит вопросам древнекитайской и среднекитайской фонетики. Как известно, иероглифика скрывает произношение, хотя есть источники некоторой информации иного рода вроде словарей рифм. Поэтому древнее произношение необходимо реконструировать, что всегда было исключительно сложной задачей. И тут проявилась постоянная особенность подхода Яхонтова, утверждавшего, что «реконструкции могут считаться достаточно убедительными только в том случае, если они опираются [...] не на один конкретный случай, а на большое число аналогичных фактов» (81). Особо надо выделить статью «Пекинское произношение XI в.», где сочетаются методы исторической реконструкции и диалектологии: анализ уникального памятника, отражавшего произношение, дал возможность уточнить, какой именно там отражён диалект.

Много занимался Сергей Евгеньевич китайской диалектологией и лингвистической географией. Им была предложена оригинальная классификация китайских диалектов, основанная на строгих критериях разграничения языка и диалекта, введённых в статье [Яхонтов 1980б], не включенной в издание 2016 г., где, в частности, уточнялся критерий взаимопонятности речи носителей диалектов. Он также рассмотрел признаки, разделяющие китайские диалекты, отметив, что нельзя их сводить только к фонетике, поскольку важным индикатором являются системы «пустых слов» (120). Ещё одна диалектологическая проблема: языковые контакты с другими диалектами и языками. Он специально исследовал тайский субстрат одного из южнокитайских диалектов. Примыкает к этой теме и исследование числительных в тайских языках, имеющих китайское происхождение.

Вопросы сравнительно-исторического языкознания занимали важное место в деятельности учёного на протяжении нескольких десятилетий; первая его публикация, посвящённая глоттохронологии, появилась ещё в 1964 г. Среди публикаций Яхонтова по данной тематике немного работ по конкретным реконструкциям. В большей степени говорится об общих принципах компаративистики, на основе которых он рассматривал и пересматривал имеющиеся классификации языков, прежде всего, языков Юго-Восточной и Восточной Азии.

Сергей Евгеньевич неоднократно подчёркивал, что методы, разработанные на индоевропейском материале, не всегда можно считать универсальными. В том числе столь важная для Ф. Боппа и других первооткрывателей идея особой важности соответствий морфологических показателей не работает для языков ЮВА (196). Если даже там какие-то показатели существуют или существовали, они исторически нестабильны. Поэтому нужно, прежде всего, опираться на соответствия лексики, в связи с чем ему всегда была важна глоттохронология. Одно из важных требований для применения этого метода — выработка критериев отбора наиболее стабильной лексики. Яхонтов указывал, что надо не только отбрасывать культурную в широком смысле лексику, которая легко заимствуется, но и разделять остальные лексические единицы на более и менее важные в своих семантических группах; лишь наиболее важные среди них могут действительно свидетельствовать о родстве (198). В связи с этим он предложил разбить стословный список М. Сводеша на два, выделив наиболее существенный, по его мнению, список из 35 слов (346). Важны и такие его слова относительно наиболее традиционного понимания родства: «Ряд исследователей понимает родство языков иначе; однако никем не было предложено другое *определение* понятия родства» (240). Никакое другое понимание родства (скажем, у Н. Трубецкого) не даёт реальных, проверяемых результатов. Возможность использования критерия типологического сходства для определения родства им решительно отвергается: оно «может быть чисто случайным или возникнуть в результате контактов» (там же).

На основе данных теоретических положений рассматривалась генетическая классификация языков ЮВА. В том числе опровергалась концепция существования таи-китайской семьи, одно время популярная и попавшая даже в учебник введения в языкознание А.А. Реформатского, поскольку она была основана лишь на структурном сходстве этих языков. Яхонтов касался и вопросов дальнего родства языков мира. Он был в нашей стране единственным лингвистом, критически рассматривавшим построения сторонников ностратики, сино-кавказского родства и др., постоянно указывавшим

на недостаточную, по его мнению, убедительность интереснейших гипотез С.А. Старостина и его школы. Это направление компаративистики совсем, особенно у нас, не рассматривалось с позиции извне, и только Яхонтов стремился это делать.

Большое внимание он уделял и истории науки. Он писал и обзоры отечественной китаистики, но больше всего его занимала недостаточно изученная китайская лингвистическая традиция. Его ученица О.И. Завьялова указывает, что учёный задумывал монографию об этом [Завьялова 2016, с. 11], но опубликованы были лишь очень содержательные очерки в коллективных монографиях «История лингвистических учений» [Яхонтов 1980а; Яхонтов 1981]. Здесь он рассмотрел развитие китайской традиции от самых её истоков до периода европеизации на грани XIX и XX вв.¹

Но особое место в наследии учёного занимают проблемные статьи по теории грамматики и грамматической типологии (в итоге более десятка). В них была разработана оригинальная концепция, на которой хочется подробнее остановиться.

Как известно, основными единицами грамматики (помимо предложения) считаются морфема и слово. Однако если определения морфемы при достаточном разнообразии (в одной из статей Яхонтов каталогизировал пять типов этих определений (329)) имеют нечто общее, то со словом всё сложнее. В очень ярко написанной статье 1963 г. он отмечал: «Термин „слово“ в языкознании многозначен, то есть разные исследователи называют им разные, хотя и связанные между собой явления» (109). По его мнению, под словом они могут понимать пять или даже больше разных единиц. Это «графическое слово», «словарное слово», «фонетическое слово», «флективное слово» и «цельное слово». Чаще всего встречается (хотя редко кладётся в основу определений) «графическое слово» — «промежуток между двумя пробелами на письме» (там же). Эта единица хорошо выделяема во многих языках, но её нет, например, в китайском языке, «если исходить из обычного иероглифического текста» (110). „Словарное слово“ — единица, которая по характеру своего значения должна отдельно учитываться в словаре» (там же). Помимо бесспорных слов, сюда попадают, с одной стороны, идиоматические словосочетания, с другой стороны, части графических слов вроде русских *анти-, дву-* или немецких *Wald-, Staats-*. «Фоне-

¹ В наиболее полном виде с охватом вплоть до 1960-х гг. история китайской лингвистики опубликована им в статье «Языкознание» в энциклопедии «Духовная культура Китая» (т. 5: Наука... М.: Востлит, 2009, с. 492–519). — А.К.

тическое слово — группа морфем, объединённая каким-либо фонетическим явлением.... Фонетическое слово — самое неопределённое и расплывчатое из всех явлений, называемых словом» (111). Расплывчатость связана с тем, что фонетические критерии могут быть различными и неясно, что выбрать. Например, в китайском языке такие единицы можно выделять либо по ударению², либо по редукции тона, а это даёт неодинаковые результаты. А во французском языке, возможно, если исходить из данных Л.В. Щербы, фонетических слов вообще нет. «Флективное слово — комплекс, всегда состоящий из двух частей, одна из которых (основа) имеет вещественное значение, а другая (окончание) указывает на связь данного слова с другими словами в предложении» (там же). «Когда говорят о морфологической структуре слова, обычно имеют в виду флективное слово», однако «в очень многих языках нельзя обнаружить флективное слово, не прибегая к натяжкам (хотя в других языках, в том числе русском, именно флективное слово выделяется особенно чётко)» (113). Наконец, „цельное“ слово — группа морфем, которые не могут быть переставлены или раздвинуты без явного изменения их значения или без нарушения связи между ними» (там же). Эта группа может не совпадать с флективным или графическим словом: *двигаться* — цельное, но не флективное слово, а немецкое *anrufen* — наоборот, флективное, но не цельное слово.

Далее Яхонтов пишет: «Хотя все эти определения „слова“ противоречат одно другому, они все — правильные, потому что все они отражают какие-то объективно существующие в языке (или письменности) явления. Кроме того, все эти определения — общелингвистические, то есть они исходят из фактов, наблюдаемых не в одном каком-то языке, а во многих языках разных типов. Напротив, „слово вообще“ просто не существует.... Всё это разные вещи» (114).

Нельзя сказать, что Яхонтов был первым лингвистом, расщеплявшим традиционное понятие слова. Ещё в 1904 г. это предлагал И.А. Бодуэн де Куртенэ, выделявший «фонетическое слово» и «семиологически-морфологическое слово» [Бодуэн 1904/1963, т. 2, с. 78], причём для русского языка ни одна из этих единиц не совпадает с орфографическим словом. Затем Ш. Балли разграничил «семантему» и «синтаксическую молекулу» [Балли 1932/1955, с. 315–316] (сходные соответственно со словарным и флективным словом у Яхонтова). Но классификация Сергея Евгеньевича является среди мне известных

² Наличие ударения в китайском языке составляет научную проблему. В «Большом китайско-русском словаре» (т. 1–4, М., 1983–1984) оно представлено как силовое. — А.К.

наиболее детальной и логически завершённой, хотя и она, во-первых, допускает дальнейшее дробление (что он признавал для фонетического слова), во-вторых, не учитывает некоторые определения слова. Не сказано о распространённом понимании слова как потенциального минимума предложения (Л. Блумфилд, поздние работы Е.Д. Поливанова и др.). Отмечу в том же сборнике, где опубликована эта статья, обзорную статью И.Е. Аничкова, где классифицировались несколько десятков определений слова [Аничков 1963]. Аничков в расширенном её варианте отмечал и связь между подходами и строем языка, на который ориентировался тот или иной учёный: англоязычные лингвисты склонны считать словом предельный минимум предложения, а русская традиция считает слово «цельнооформленной» (термин А.И. Смирницкого) единицей, то есть учитывает флективное слово [Аничков 1997: 232]. О связи понятия флективного слова с русской традицией пишет и Яхонтов.

В его статье далее говорится: «Среди различных явлений, называемых „словом“, наиболее универсальными, то есть распространёнными в наибольшем числе языков, являются словарное слово и „цельное“ слово» (115), однако словарное слово — чисто семантическое явление. Из этого, однако, не следует, что даже «цельное» слово может быть приравнено к несуществующему «слову вообще». «Что касается вопроса о способах выражения грамматических категорий, то он не имеет прямой связи с вопросом о границах слова или его структуре. . . . Показатели грамматических категорий слова могут находиться то в самом слове, то за пределами его» (там же). То есть, нет принципиальной разницы между синтетическими и аналитическими формами, а аналитизм может быть и в словообразовании.

Таким образом, точка зрения Яхонтова — наиболее чёткое в отечественной лингвистике выражение подхода, свойственного разным направлениям структурализма (и унаследованного генеративизмом). Согласно ему, слово не является в отличие от морфемы главной единицей языка (хотя Яхонтов признаёт, что в ряде языков слово в том или ином смысле может выделяться чётче, чем морфема, и это надо учитывать в типологии, см. ниже). Это лишь совокупность единиц разной степени распространённости, занимающих то или иное место в промежутке между морфемой и предложением (в смысле clause). Предельный вариант такого подхода — недавно появившаяся работа [Haspelmath 2011], где выделяется значительно большее, чем у Яхонтова, число не совпадающих по границам единиц, которые кем-либо именовались словами. Это, по мнению М. Хаспельмата, свидетельствует о том, что от понятия слова надо отказаться, морфологию и синтаксис следует слить в морфосинтаксис, а единственная

реальность, стоящая (и то не для всех языков) за этим понятием, — орфографическое слово.

Железная логика Сергея Евгеньевича показывает, что строго лингвистические критерии не могут выделить слово в традиционном его понимании (на сколько единиц мы сможем его расщепить, значения не имеет). Однако учёный подошел к проблеме с той стороны, которая естественна для структуралиста. Он вовсе не упомянул то важнейшее значение, которое имеет понятие слова в лингвистических традициях, и которое выражено в известных словах Ф. де Соссюра: «Слово, несмотря на все трудности, связанные с определением этого понятия, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму как нечто центральное в механизме языка» [Соссюр 1916 / 1977, с. 143]. Яхонтов очень убедительно показал упомянутые Соссюром трудности, но полностью обошёл «представления ума», которые находились вне внимания структуралистов, рассматривавших свой предмет с позиции извне по образцу естественных наук. К этому вопросу я здесь ещё вернусь; см. также мою статью в сборнике в честь Яхонтова [Алпатов 2016].

Иначе Яхонтов подходил к морфеме, которой посвящена более поздняя его статья 1991 г. в коллективной работе «Морфема и проблемы типологии». Он писал: «Морфема существует в любом языке: ведь во всяком грамматическом описании есть минимальные, далее неделимые значимые отрезки. Этим морфема отличается от слова, которое в принципе может и отсутствовать в каком-то языке; вернее, в языке может быть несколько разных единиц, претендующих на статус слова» (331). То есть он и через тридцать лет сохранял ту же точку зрения, что и раньше. И в работе речь идёт не о членении текста на морфемы, а, прежде всего, о способах классификации морфем. В частности, указывается, что различие знаменательных и служебных морфем — формальное, а не смысловое (исключая чисто синтаксические значения, не выражаемые корнями, но способные выражаться без каких-либо морфем с помощью порядка). Отмечается, что понятие служебной морфемы шире понятия аффикса: при последовательном использовании терминов «придётся говорить, что аффиксы могут присоединяться к служебным морфемам...; артикли, связки, вспомогательные глаголы будут считаться изменяемыми частицами» (332). Это важное уточнение редко делается морфологами. Также морфемы могут быть свободными и связанными, хотя «это деление существенно не для всех языков» (там же). Служебные морфемы почти всегда связаны, а корни могут быть свободными и связанными, причём их соотношение зависит от строя языка: в нефлективных языках корни, по мнению Яхонтова,

обычно свободны (при исключениях вроде названий мер в китайском языке), а во флективных языках (если признавать существование нулевых окончаний) обычно связаны.

В статье «Методы выделения грамматических единиц» (1969) Яхонтов сосредоточивается на вопросе формирования «достаточно ясной формальной процедуры, применимой к языкам любого строя» (141) для выделения морфемы и слова. Он подчёркивает различие между морфемой и словом, с одной стороны, и предложением, с другой: «выделение предложения не требует формального обоснования», что проявляется в том, что научившийся писать ребёнок сразу начинает правильно ставить точки (редкий для Яхонтова пример обращения к функционированию языка), а «слово, а тем более морфема так выделены быть не могут» (там же). Эти две единицы не могут выделяться интуитивно, и нужны процедуры соответствующего членения текста. Далее рассмотрены имеющиеся в лингвистической литературе процедуры выделения слова и морфемы. Убедительно показано, что эти процедуры чаще всего ориентированы на некоторые конкретные языки и не годятся для языков иного строя. Так, одно время преобладавший в советском языкознании критерий цельнооформленности А.И. Смирницкого выработан для русского языка и непригоден для китайского языка и даже для английского. Для морфемы, по мнению Яхонтова, можно выработать критерии членения, хотя для разных языков могут лучше подходить разные критерии. Со словом иначе: «Каким бы тонким и гибким мы ни старались сделать общелингвистическое определение слова, оно всё равно в чём-то будет расходиться с традициями описания каждого конкретного языка» (156).

Следующая проблема — части речи, которым также посвящена отдельная статья учёного (1968). Эта статья, однако, не вполне состыковывается с предыдущими: Яхонтов здесь пользуется понятием слова без дифференциации того, о которой из пяти ранее выделённых единиц идёт речь, то есть говорит о ранее отвергнутом «слове вообще». Предполагается, что эти единицы уже выделены неизвестно по каким основаниям, и остаётся лишь их расклассифицировать. Яхонтов отмечает, что обычно они выделяются по морфологическим и / или синтаксическим признакам, тогда как классификация слов по их лексическому или грамматическому значению «не может служить основанием для разграничения частей речи», поскольку это семантика, а не грамматика (161). В русской традиции чаще выделяют части речи по морфологическим признакам, но «очевидно, в общелингвистическом плане синтаксические признаки частей речи более важны, чем морфологические. Первые имеют более универсальный характер;

вторые могут быть обнаружены не во всех языках, а там, где они есть, они свойственны не всем словам языка. Правда, с другой стороны, морфологические признаки (там, где они действительно имеются) бывают обычно более наглядными, более заметными, чем синтаксические» (163). В частности, показано, что в китайском языке чисто морфологические классификации не дают результатов, тогда как синтаксические классификации вполне реальны. Синтаксические классификации не дублируют разграничение членов предложения: части речи могут иметь несколько синтаксических функций, но «синтаксическим признаком их является система функций, свойственных слову» (164). Знаменательные слова, служебные слова и местоимения классифицируются по трём разным основаниям, а в классификацию служебных единиц включаются и аффиксы.

Однако Яхонтов приходит к выводу о том, что термин «части речи», помимо обычного значения классов слов, имеет и другое, омонимичное значение, предложенное Л.В. Щербой и китаистом У. Добсоном: значение «общих категорий, различающихся в данной языковой системе» (168). К вопросу о том, насколько это можно принять, я далее вернусь.

Важнейшей части речи — глаголу — посвящена статья 1978 г., основанная на концепции, впервые предложенной Л. Теньером и развитой А.А. Холодовичем. В ней предлагается классификация глаголов в связи с грамматическим оформлением зависимых от них актантов (способ такого оформления условно назван падежом). Выделяются падежи: именительный, винительный, дательный, творительный, эргативный и несколько местных. Получены четыре класса двухактантных глаголов (глаголы физического действия, чувства, движения, «иметь») и два класса трёхактантных глаголов (глаголы давания и глаголы со значением «каузировать, находиться»). Каждому классу соответствуют два или три способа падежного (в широком смысле) оформления актантов, в конкретных языках либо могут существовать все способы, либо имеется лишь один из них.

С вопросом о частях речи связан вопрос о членах предложения, рассмотренный в статье 1972 г. Как и в других случаях, признаётся необходимостью разработка «некоторой формальной процедуры» для их выделения (224). Эти процедуры — опущение или добавление, замена и трансформация; в их результате значение предложения может меняться, но в результате предложение должно оставаться правильным; их применение рассмотрено на материале китайского языка. И в этой статье Яхонтов использует понятие слова без уточнения, в то же время указывая, что в отдельных случаях член предложения может включать в себя более одного знаменательного сло-

ва (числительное и счётное слово в китайском языке). В результате получена система членов предложения, близкая к традиционной. Однако, с одной стороны, на китайском материале выделены нестандартные части речи, в том числе «слова, которые относятся к предложению в целом и не связаны грамматически ни с одним из его членов отдельно» (226); с другой стороны, объединены в единый класс определения в обычном смысле (определения к имени) и обстоятельства (определения к предикативу).

Неоднократно Яхонтов обращался к проблеме грамматических категорий, прежде всего, на материале китайского и других изолирующих языков. Он вслед за Ф.Ф. Фортунатовым, Э. Сепиром, И.И. Мещаниновым и др. выделял в статье 1973 г. «Грамматические категории аморфного языка» синтаксические и несинтаксические категории. «Первые связаны с функцией слова в предложении, вторые — нет. ... Классический пример синтаксической категории — падеж. ... Иначе дело обстоит с категорией числа» (244). В связи с этим разграничиваются два термина, чаще выступающие в лингвистике как синонимы: аморфными языками названы языки без категорий, а изолирующими — языки, где есть только несинтаксические категории. Примеры аморфных языков — тайский, вьетнамский; примеры изолирующих — китайский и (с оговорками) английский. Китайский язык в древности был аморфным, но затем стал изолирующим. «Грамматические категории в изолирующих языках, так же как в языках агглютинативного типа, обычно имеют вид бинарных оппозиций, в которых лишь один член маркирован, а другой не имеет положительного оформления. ... Значения, воспринимающиеся как основные, исходные, ... как правило, не имеют показателя» (247–248). Это положение рассмотрено на примере английских времён, где Яхонтов находит четыре бинарных противопоставления. Указано, что «грамматические категории одного языка могут вообще не иметь соответствий в другом» (249), поэтому недопустима русификация грамматических описаний. В данной работе специально не рассматривается вопрос о разграничении аффиксов и служебных слов, но из ряда формулировок видно, что те и другие могут быть показателями грамматических категорий. И ставится вопрос о возможности существования «совершенно аморфного» языка, где «вообще нет никаких служебных элементов — не только аффиксов, но и частиц (или служебных слов)» (249). По мнению Яхонтова, такими языками являются лишь языки жестов, но близка к этому «языковая система китайской классической поэзии» (там же), которая обходилась без служебных элементов, впрочем, с одним исключением:

возможны были редупликации. Этому вопросу посвящена его специальная статья «Грамматика китайских стихов» (1974).

Рассматривал Яхонтов и отдельные категории, являющиеся грамматическими в некоторых языках; о них он, в частности, писал в вышеупомянутой ленинградской (петербургской) серии коллективных монографий. Он исследовал там категории каузатива, пассива, рефлексива, результатива, множественности действий (итератива). Всегда, даже если речь шла только о (современном и /или древнем) китайском языке, учёный исходил из хорошо разработанной им самим или его предшественниками теоретической концепции, дававшей возможность рассматривать явления конкретного языка в типологическом контексте.

Большое место в наследии Яхонтова занимают и собственно типологические публикации. В первую очередь, он исходил из самой традиционной типологической классификации, восходящей ещё к началу XIX в., которая выделяла аморфные (изолирующие), агглютинативные и флективные языки (инкорпорирующими языками он специально не занимался). В статье 1965 г. «О морфологической классификации языков» он подчёркивал, что «наиболее распространённая морфологическая классификация языков... до сих пор полностью сохраняет научную ценность» (127). Эту классификацию учёный развивал и уточнял в ряде работ; выше уже говорилось о том, что он ввёл разграничение между аморфными и изолирующими языками.

Традиционно данная классификация основана на понятии слова, однако поскольку «для некоторых языков вопрос о границах слова не решён окончательно», то «определение основных типов языков удобнее сформулировать таким образом, чтобы оно исходило не из слова, а из морфемы» (там же). Яхонтов здесь несколько более склонен к компромиссу, чем в изданной двумя годами раньше статье: нет идеи о том, что «слова вообще» не существует, вместо этого говорится о «нерешённости вопроса», но и тут центр внимания перенесён со слова на морфему. Вводится понятие аффикса, определяемого как служебная морфема, неотделимая от «своего корня» другим корнем. Для флективных языков характерны флективные аффиксы, одновременно обозначающие несколько грамматических категорий, тогда как в агглютинативных языках «аффикс в каждом случае обозначает только одну грамматическую категорию» (128). Наличие или отсутствие изменений на стыках морфем Яхонтов не считал определяющим признаком для классификации (эту точку зрения он подтвердил и в публикации 1991 г. о морфеме). Последнее положение обосновывается любопытным образом: сравнительное образование множественного числа в татарском языке (нет из-

менений) и в тувинском языке (есть изменения), Сергей Евгеньевич пишет: «Интуитивно мы чувствуем, что тувинский способ выражения множественного числа явно ближе к татарскому, чем, допустим к русскому или латинскому» (там же). Обращение к интуиции, нехарактерное для структурной лингвистики, у него всё же, как мы видим, иногда встречается. Сам же принцип, лежащий у него в основе разграничения агглютинативных и флективных элементов, распространён в лингвистике (например, в Пражской школе).

Ещё одно различие флективных и агглютинативных языков связано с тем, что в последних языках форма с аффиксом противопоставлена форме без аффикса, значение которой «часто бывает очень широким и неопределённым» (129). Во флективных же языках «форма без аффикса вовсе не обязательно является основной по значению» (там же), поэтому для них целесообразно понятие нулевой морфемы. В тех и других языках возможны аффиксы каждого из типов, однако языки относятся к тому или иному классу в зависимости от преобладания того или иного из них.

Грамматические единицы, однако, могут быть не только аффиксами, но и отдельными словами (частицами в широком смысле). «Язык, в котором частицы преобладают над аффиксами, называется аналитическим, если это язык европейский, или аморфным, корневым, изолирующим, если это язык азиатский, африканский или австралийский. Реальной разницы между аналитическими и изолирующими, или аморфными языками нет; определения обоих типов часто почти дословно совпадают» (131). В этом пункте точка зрения Яхонтова, как мы уже видели, впоследствии изменилась: в 1973 г. он разграничивал аморфные и изолирующие языки, причём европейские аналитические языки отнёс к изолирующим.

Данный класс языков по одному из параметров сходен с агглютинативными и противопоставлен флективному. В аналитических и агглютинативных языках «слово имеет основную форму, состоящую из чистого корня (или основы, т.е. нескольких корней или корня со словообразующим аффиксом), без всяких дополнительных служебных элементов; при образовании других форм само слово не изменяется, на него лишь наращиваются различные служебные морфемы — аффиксы и частицы. В этих языках слово — вполне реальная вещь, в то время как в языках флективных оно представляет собой абстракцию, в речи мы встречаем лишь отдельные словоформы; слово, помещаемое в словаре, есть в действительности лишь одна из форм, условно «представляющая» слово. С другой стороны, только во флективных языках текст наиболее естественно делится на слова, а не на морфемы. В аналитических языках легче выделить морфемы, чем

установить границы слова; в агглютинативных языках ни то, ни другое деление в общем не представляет трудности» (131–132).

Идеи о «реальности» и «абстракции» слова в разных языках могут быть сопоставлены, например, с идеями Ш. Балли, который сопоставлял аналитический французский и флективный латинский языки. Слово в собственном смысле (семантему) он определял как основу (в частном случае, корень) и противопоставлял «синтаксической молекуле» — сочетанию семантемы с аффиксами; во французском языке слово выступает само по себе, а флективные языки «топят семантему в молекуле» и слово представлено только как совокупность молекул [Балли 1932/1955, с. 315–316].

И можно видеть, что концепция слова у Яхонтова менялась. Здесь, как и в статье о частях речи, он пользуется лишь частично дифференцированным понятием слова и говорит о ранее отвергнувшемся «слове вообще». Если слово флективных языков, безусловно, совпадает с тем, что в 1963 г. именовалось флективным словом, то чему в более ранней классификации соответствует слово агглютинативных и аналитических языков? Слово этих языков — и не цельное, и не фонетическое слово; оно может быть орфографическим, но не во всех языках. Ближе всего оно к словарному слову, что видно из использования понятий корня и основы; однако в статье 1963 г. показано, что и тут совпадения нет. В другой статье (публикация 1982 г. по докладу 1977 г.) Яхонтов попытался дать определение слова (видимо, слова вообще) на основе вводимых им понятий свободной / несвободной и разрывной / неразрывной конструкции. В то же время он подчёркивал, что по сравнению с флективным языком «выделить слова в изолирующем языке значительно труднее», поскольку там «важнейшие признаки слова — отрицательные» (316). Однако вводится важное уточнение: «Эти трудности не мешают ни грамматическому, ни лексикологическому описанию. В частности, в словарь включаются не слова, а морфемы и идиоматические сочетания морфем, независимо от того, какой единице соответствуют эти последние» (там же). То есть, «слово вообще» признано и определено, однако на эту единицу просто можно не обращать внимания. Нетрудно видеть, что основная единица китайской традиции (*цзы*) рассматривается как морфема, а то, что в европейских грамматиках именуется обычно сложными словами, считается «идиоматическими сочетаниями морфем», а их соотношение со словом исключается из рассмотрения. Наконец, в значительно более поздней статье 1991 г. Яхонтов, как уже упоминалось, вернулся к идее о том, что на статус слова могут претендовать несколько единиц.

Подтвердив важность выделения трёх основных классов языков, Яхонтов поставил задачу проверки данной концепции методами лингвостатистики. Его идеи были воплощены в коллективной работе ленинградских лингвистов, изданной в 1982 г. В ней Сергей Евгеньевич был ответственным редактором вместе с В.Б. Касевичем и написал три раздела [Яхонтов 1982а, б, в]. Здесь приведены типологические индексы для 26 языков. Яхонтов на основе их анализа пришёл к выводу, что «статистические подсчёты обычно достаточно ясно показывают нам, считать ли такое-то явление характерным для такого-то языка или нет; но есть и некоторое количество спорных случаев» (342).

Вводится среди прочих «индекс агглютинативности», связанный с соединением морфем без изменений на стыках (традиционно — один из основных признаков агглютинативности, хотя Яхонтов не склонен был считать его определяющим). Подсчёт этого индекса для разных языков даёт нетрадиционные результаты: наиболее «агглютинативными» оказываются как раз изолирующие языки (96–100), по Яхонтову, индекс агглютинации в тайском, вьетнамском, древнекитайском, китайском, тагальском и манинка составляет 100% [Яхонтов 1982в, с. 307]. Индекс же для традиционно агглютинативных языков (тюркских, монгольских) ниже, колеблясь от 80 до 97 и не достигая 100 ни для одного из них [Яхонтов 1982в, с. 308]. Вероятно, агглютинация в данном смысле в первую очередь ощущалась для языков типа турецкого (индекс агглютинации, по Яхонтову, 93), тогда как для языков типа китайского (индекс агглютинации, по Яхонтову, 100) она не замечалась из-за существования более «экзотических» для европейского наблюдателя свойств.

Таким образом, развитая в ряде публикаций разного времени грамматическая концепция Яхонтова в чём-то меняясь, сохраняла безусловный инвариант. Для неё было характерно стремление к чёткому, однозначному и проверяемому выделению единиц языка и их классов, разграничению традиционно смешиваемых понятий. Хотя, кажется, Сергей Евгеньевич специально не позиционировал себя как структуралиста, его подход, безусловно, был структурным. Это проявилось и в главном его ограничении: рассматривать язык с точки зрения того, как он устроен в синхронии и диахронии. Из трёх основных вопросов лингвистики он последовательно касался лишь двух: «Как устроен язык?» и «Как изменяется язык?», обходя самый неразработанный до последнего времени вопрос: «Как функционирует язык?». Лишь изредка у него можно встретить частные упоминания функциональной проблематики, что было свойственно многим лингвистам его поколения. И оставаясь на почве структурного

подхода, Яхонтов объективно мог подтверждать при всей его безусловной важности определённую ограниченность.

Особенно ярко это видно по вопросу о слове. Яхонтов постоянно колебался между радикальным подходом, изгонявшим из лингвистики «слово вообще» и признававшим лишь совокупность второстепенных единиц в промежутке между морфемой и предложением, и традицией, требовавшей ставить слово по важности, как минимум, в один ряд с морфемой. Высказывание Ф. де Соссюра о слове как «центральном в механизме языка» не могло быть подтверждено в пределах изучения языковой структуры. Однако современные исследования по нейролингвистике, детской речи и речевым расстройствам показывают, что «можно говорить о „слоях“, составляющих язык: это *лексикон* — сложно и по разным принципам организованные списки лексем, словоформ и т.д.; *вычислительные процедуры*, обеспечивающие грамматику (морфологию, синтаксис, семантику и фонологию), механизмы членения речевого континуума, поступающего извне, и прагматика» [Черниговская 2010, с. 631]. Слово — основная единица лексикона, а его отношение с собственно лингвистическими единицами может быть разным и зависит от строя языка. Для русского языка это, как правило, «флективное слово» (словоформа, синтаксическая молекула), а для древнекитайского и (видимо, с оговорками) современного китайского — это морфема, к чему фактически без прямого обращения к психологии пришёл и Яхонтов. Он верно указывал, что крайне трудно, если не невозможно, выработать общие правила членения текста на слова, но трудно согласиться с его идеей о том, что слово в отличие от предложения не может выделяться интуитивно. Именно так оно всегда и выделялось (чего нельзя сказать о морфеме), а представления о слове, как указывали Э. Сепир, П.С. Кузнецов и др., есть у любого носителя языка. Другое дело — то, что это выделение не может соответствовать строго научным критериям. И признание у Яхонтова особого статуса идей Л.В. Щербы в отношении частей речи, вероятно, было связано с поисками у этого учёного функционального, связанного с психолингвистикой подхода к частям речи; см. [Алпатов 1986/2017, с. 210–213].

Современная функциональная лингвистика обратилась к изучению многих проблем, которые ещё недавно считались нелингвистическими. Но при этом (речь не идёт об экспериментальных исследованиях) резко снизился уровень научной строгости, столь высокий у Яхонтова. Однако, безусловно, вклад Сергея Евгеньевича Яхонтова в лингвистику очень велик и разнообразен. Многому из того, что он сделал, суждена долгая жизнь.

Литература

- Алпатов 1986/2017 — *Алпатов В.М.* О разных подходах к выделению частей речи // *Алпатов В.М.* Японистика. Теория языка. Социоллингвистика. История языкознания. М., 2017. С. 202–214.
- Алпатов 2011/2017 — *Алпатов В.М.* Структура устного и письменного текста // Там же. С. 245–250.
- Алпатов 2016 — *Алпатов В.М.* Слово: одна единица или много единиц? // Проблемы китайского и общего языкознания. К 90-летию С.Е. Яхонтова. СПб.: СПбГУ, 2016. С. 353–360.
- Аничков 1963 — *Аничков И. Е.* Об определении слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л.: Наука, 1963.
- Аничков 1997 — *Аничков И.Е.* Труды по языкознанию. СПб.: Наука, 1997.
- Балли 1932/1955 — *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
- Бодуэн 1904 /1963 — *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Язык и языки // *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М., 1963.
- Завьялова 2016 — *Завьялова О.И.* Краткая биография С.Е. Яхонтова // Проблемы китайского и общего языкознания. К 90-летию С.Е. Яхонтова. СПб.: СПбГУ, 2016. С. 8–11.
- Завьялова, Касевич 2016 — *Завьялова О.И., Касевич В.Б.* Сергею Евгеньевичу Яхонтову — 90 лет // Проблемы китайского и общего языкознания. К 90-летию С.Е. Яхонтова. СПб.: СПбГУ, 2016. С. 5–7.
- Проблемы 2016 — Проблемы китайского и общего языкознания. К 90-летию С.Е. Яхонтова. СПб.: СПбГУ, 2016.
- Соссюр 1916/1977 — *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики // *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.
- Черниговская 2010 — *Черниговская Т.В.* Мозг и язык: врожденные модели или обучающая сеть? // Научные сессии общих собраний Российской академии наук. 2002–2009. М., 2010.
- Яхонтов 1957 — *Яхонтов С.Е.* Категория глагола в китайском языке. Л., 1957.
- Яхонтов 1965 — *Яхонтов С.Е.* Древнекитайский язык. М., 1965.
- Яхонтов 1980а — *Яхонтов С.Е.* История языкознания в Китае (I тыс. до н.э. — I тыс. н.э.) // История лингвистических учений. Древний мир. Л.: Наука, 1980. С. 99–109.
- Яхонтов 1980б — *Яхонтов С.Е.* Оценка степени близости родственных языков // Теоретические основы классификации языков мира. М.: Наука, 1980. С. 148–157.
- Яхонтов 1981 — *Яхонтов С.Е.* История языкознания в Китае (XI–XIX вв.) // История лингвистических учений: средневековый Восток. Л.: Наука, 1981. С. 224–247.
- Яхонтов 1982а — *Яхонтов С.Е.* Древнекитайский язык // Квантитативная типология языков Азии и Африки. Л.: ЛГУ, 1982. С. 68–80.
- Яхонтов 1982б — *Яхонтов С.Е.* Метод исследования и определение исходных понятий // Там же. С. 12–44.

Яхонтов 1982в — Яхонтов С.Е. Сравнение и классификация языков по данным квантитативного анализа // Там же. С. 305–323.

Haspelmath 2011– Haspelmath M. The Indeterminacy of Word Segmentation, and the Nature of Morphology and Syntax // *Folia Linguistica*. V.45 (2011), 1. P. 1–19.

*V.M. Alpatov**

In memory of S.Ye. Yakhontov

ABSTRACT: Sergey Yevgenyevich Yakhontov (1926–2018) was an outstanding Russian linguist, who taught for sixty years at the Leningrad / Saint Petersburg University. He made a valuable contribution to both Chinese studies and theory of linguistics. Although he published only two books his numerous articles always were very interesting. In the field of Chinese studies, he wrote on Modern Chinese, Ancient Chinese, history of Chinese, dialects of Chinese, language contacts and so on. His studies on the theory of linguistics were good models of the structural approach. Yakhontov demonstrated that different definitions of word single out different units of the language and it is impossible to discover the “word in general” by purely linguistic methods. He specified the notions of morpheme, parts of speech, parts of the sentence, inflected languages, agglutinative languages, and amorphous languages and so on.

KEYWORDS: Yakhontov, Saint Petersburg university, Chinese, theory of linguistics, typology, structural linguistics, word, morpheme, parts of speech, parts of the sentence, inflected languages, agglutinative languages, amorphous languages.

* Alpatov Vladimir Mikhailovich, Doctor of Letters, Professor, Director of Institute of Linguistics, Russian Academy of Science, Moscow, Russia; E-mail: v-alpatov@ivran.ru